

УДК 811.114

ПЕРЦЕПЦИЯ В РОДОСЛОВНОМ ДИСКУРСЕ¹**В. К. Харченко***Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail:
Kharchenko@bsu.edu.ru*

В статье исследуются особенности языковой передачи «перцептивной» памяти: зрительных, тактильных, вкусовых, обонятельных образов – в родословном дискурсе (сочинениях на тему «История моей семьи»).

Ключевые слова: перцепция, канал восприятия, семейные родословные, дискурс.

Термин «дискурс» сравнительно недавнее изобретение лингвистов и культурологов, однако он достаточно быстро и хорошо, пластично вписался в исследовательский лексикон. Мы используем этот термин потому, что материал исследования (тексты свободных сочинений на тему «История моей семьи») первоначально многократно озвучивался в своих фрагментах, микронарративах, пребывал этот материал и во внутренней речи автора, и в диалоговых репликах членов семьи, это именно дискурс – не текст в строгом смысле слова, хотя формально мы анализируем тексты и только тексты как конечное звено монологов и обсуждений в семье, причем обсуждений неоднократных и в разное время состоявшихся, в том числе, как признаются сами авторы, и перед написанием сочинений.

Родословный дискурс и мемуарный дискурс можно представить по принципу взаимопересекающихся кругов П. Эйлера. Отличия здесь состоят, во-первых, в тематике. В орбиту своих персоналий мемуары притягивают не только родных и близких, но и соседей, и известных людей, коль скоро они повстречались на жизненном пути. Объектом описания становится не только история рода, семьи, но и панорама времени. Далее, во-вторых, отличия заключаются в самоидентификации образа автора мемуаров: на мемуары решится не каждый, тогда как родословие обязывает каждого если не писать историю семьи, то сохранять ее в рассказах. В-третьих, мемуары претендуют на расширенную аудиторию, на публикацию. Общим же у родословия и мемуаристики является сам стиль описаний: концепт EGO как объединяющее, сюжетноносное начало текста, интерес к мелким подробностям, частностям, включение в текст всего того, что, как правило, ускользает в других дискурсах: новостном, историческом, художественном, публицистическом, документальном.

Между тем нельзя не заметить, что граница между дискурсами, такими как родословный и мемуарный, нередко размывается, собственно, они и не могут быть четкими. В текстах родословной встречаем: *Папа ходил за ёлкой, ставил, мы все вместе её наряжали. В доме был запах хвои, яблок и мандарин» (Л. М. П.)*. Что это как не воспоминание? И наоборот, мемуары содержат немало описаний того или иного родословного древа.

Охарактеризуем непосредственно сам материал анализа. Архив текстов «любительских» сочинений «История моей семьи», превысивший уже тысячу единиц хранения, сочинений, написанных в рамках курса «Русский язык и культура речи» в целях активизации в письменной речи лучшего в языковой памяти их авторов (о родительской семье, о предках, как правило, пишут наилучшим своим языком!), представляет собой богатейший материал для исследования самых различных проблем [1; 2; 3]. Однако сенсорная составляющая языка семейных родословных не получила должного освещения, поскольку сенсорика, или перцепцию (термины синонимичны, и мы не видим веских причин разводить их!), традиционно исследуют на материале художественных текстов. Семейные

¹ Работа выполнена в рамках научной программы внутривузовского гранта БелГУ.

родословные дают материал для изучения сенсорной памяти детства, сенсорных (перцептивных) впечатлений, образов, частностей. Так, базовый, ключевой для текстов родословных концерт ДОМ часто сопровождается «вкусовой» и/или «запаховой» компонентой как воспоминание о вкусе и запахе пирогов, блинов, вообще – выпечки, сопровождающей будни и праздники детства.

А какие вкусные пирожки печёт бабушка! Их удивительный аромат чувствуется по всей улице. И никакие кондитерские пирожные не сравнятся с бабушкиной выпечкой. Она вообще любит побаловать нас всякими вкусностями... (И. П.).

Моя мамочка также очень вкусно готовит. Её знаменитые пирожки ела почти вся наша улица. Я как сейчас помню зимнее воскресное утро детства, когда мама пекла пирожки, и этот запах распространялся по всему дому, и от него становилось особенно тепло и уютно (Ш. М. В.).

В шесть часов утра в их доме всегда раздаётся скрип кровати, дедушкино кряхтенье и бабушкины беседы ни о чем с самой собой. По утрам она, как правило, всегда чем-то недовольна: то дед всю ночь храпел, то комары заели, то дышать нечем, то экономический кризис... К девяти часам у нее уже бывают готовы огромные толстые дрожжевые блины, которые она почему-то называет «ладиками». Вкуснее их нет ничего на свете. К «ладикам» она обычно подает сметану или еще одно свое фирменное блюдо – «мед». Этим громким словом у нее называется сахар, переплавленный с водой. По цвету действительно напоминает мед. Как почти все бабушки, она очень переживает, если ее внуки мало едят. Она говорит, что «молодые всегда должны быть наевши», а им, старикам уже пора «у сосны» (просто сельское кладбище находится рядом с хвойной посадкой). (Т. И.).

В родословных перечисляется весь комплекс выпечки, усиливающий ощущение дома, уюта, праздника. Зоя Яковлевна очень любила своих внучек, особенно старшую. Постоянно угождала ей, а так как я очень любила сладкое, то пирогам, пышкам, плюшкам, блинчикам, оладьям, ватрушкам и запеканкам не было счета (Ж. М. Н.).

Выпечка (пирог, блины, оладьи) в родословных на первом месте (и часто на единственном, поскольку про остальную снедь вообще не упоминается). Второе место занимают пельмени. Бабушка Фрося была «великая стряпуха», у неё каждый день была свежая выпечка, она всегда передавала нам чего-нибудь вкусного. И когда приходила к нам, всегда затевала или пирожки, или пельмени. Пельменей мы делали много, с разными начинками. Но так ловко их лепить ни у кого не получалось, даже у мамы. У бабушки они были все одинаковые, пузатенькие. Это умение она привезла с Урала (Б. Е. И.).

«Третье место», по данным родословным, отводится описанию киселей. У неё был самый вкусный кисель, который она готовила из компота и добавляла конфеты карамели, которые назывались «барбарис» (К. И. С.). Бабушка варила ещё очень вкусный вишнёвый кисель, который надо было есть ложками (Б. О. М.).

Распределение «мест» по частотности во многом условно, так как не менее нежно и благодарно вспоминаются борщ, плов, сыр, мёд, а если пресловутая манная каша, то «с раскрытием образа», описанием-аргументацией.

Мне было всегда интересно с бабушкой. Она великолепно готовила борщ, самый вкусный борщ на свете, аромат которого я до сих пор помню. / Моя мамочка очень похожа на неё. Она тоже отлично готовит. Из её блюд больше всего я люблю плов. Вкуснее плова, чем у мамы, я не кушала нигде (Т. Т. В.). По воспоминаниям моего отца, наша прабабушка Поля пекла очень вкусный домашний хлеб и делала восхитительный сыр, вкус которого он до сих пор не может забыть и ощутить вновь (Б. Н. А.). Он всегда шутил, что женился, потому что в семье бабушки был очень вкусный мёд (М. Т. И.). Хорошо помню вкуснейшую манную кашу, которую готовила бабушка. Каша вроде как каша, но была у неё румяная корочка, которая получалась от жаривания. Очень вкусно. Уже не помню вкус, но помню, что за

эту румяную корочку мы с сёстрами ссорились даже. Каждая хотела кашу доедать, чтобы по миске поскрести. Уже став взрослой, я пыталась приготовить манную кашу с корочкой, как бабушка, но ничего у меня не получалось (Г. А. П.).

Вкусовая компонента семейных родословных связана с описанием далеко не только праздничных, когда семья собирается за большим столом, но даже будничных «церемоний». *Когда я заходила к ним после уроков в музыкальной школе, они пили меня крепким чаем. Это была настоящая церемония: мы ждали, пока закипит самовар, потом дедушка Иваныч наливал чай в кружки, но пили мы из блюдец и обязательно с малиновым вареньем и сухариками из булочек (Ю. О. В.).*

Некоторые авторы семейных саг, «войдя во вкус», стремятся к построению, созданию полисенсорного образа дома детства: выбеленные стены, запах накрахмаленных рушников, вкус киселя и пирогов, как в следующем отрывке.

Я вспоминаю сейчас, как любила баба Лена белить хату к праздникам: к Пасхе, к Троице, к «Октябринам» (7 ноября). В доме приятно пахло свежей побелкой и накрахмаленными рушниками. Зимой бабушка угощала внуков сливовым киселем и пирогами «с квасолей» (фасолью), а на десерт – печеные яблоки – вкусно» (Г. И. Ю.).

Зимой мне нравится, когда яркое солнце, отражённое кристаллами снежинок, слепит глаза, под ногами скрипит снег, а в небо поднимаются столбы дыма из труб домов. Зайдешь в дом, а там тепло и пахнет пирогами (Ш. О. А.).

Вкусовое впечатление в текстах родословных нередко бывает «исторически обусловлено» описанием голода и соответственно слуховым, тактильным, вкусовым и запаховым запечатлением съеденного куса хлеба, как в следующем контексте.

Мама часто вспоминала о голоде 1953 г., когда каждое зёрнышко было на счёт. Наверное, никогда не забудется маме вкус лепёшек, приготовленных из ботвы свёклы (Э. Н. Н.). Денег не было, а вместо них в ход шли эти самые дрова. Она обменивала целые сани дров на буханку хлеба и спешила поделиться ею с голодной семьей. Но до дома идти было около шести километров, и, конечно же, растущий детский организм не выдерживал... «Хлеб был такой хрустящий, ароматный! А при двадцатиградусном морозе он вообще с ума сводил. Раз укусишь, два укусишь, три укусишь... Домой приходишь, а там уже меньше половины осталось. И родным в глаза смотреть стыдно, и ничего с собой поделатать не можешь». Но никто ее никогда не упрекал (Т. И.).

Мама помнит себя всё время голодной. Они ели сою и пшеницу, которую, по-видимому, выращивали на своём огороде. Однажды бабушка им сварила гречку, и вкус этой каши так поразил мою маму, что она решила: когда вырастет, то наестся этой каши вдоволь. Теперь она, конечно же, со смехом вспоминает, как ей хотелось гречки, а сейчас вот она лежит и никто её не хочет (З. О. С.).

Исторически обусловленной может стать и тактильная память. *Но по рассказам бабушки, папа родился во время уборки хлеба. Она помнит, как покормит его, положит под кустик в холодок, а сама – работать дальше (Т. Т. В.). ...Одна пара валенок на всю семью. Бывало, просыпался кто раньше всех, тот и пойдёт в школу. Так вот, что они придумали. Опускали ногу в глину, которую предварительно разводили в воде до состояния каши. чтобы она покрывала всю ступню, потом ждали, когда глина высохнет. Корка из глины в темноте казалась калошей. Вместо пудры использовали муку или с изб стирали известь, а колготки – это обмазанные подсолнечным маслом ноги (В. Е. В.).*

Вкусовые «воспоминания» в родословных могут плавно перетекать в тактильные. *Бабушка Маня всегда варила домашнюю лапшу на компоте из сухофруктов, я её очень любила. У неё почти каждый день были пирожки с фасолью, капустой, летом с ягодами, яблоками. Летом у дедушки с бабушкой стол стоял во дворе, и нам очень нравилось обедать на свежем воздухе под тенью яблони (Б. О. М.).*

Запаховая (ольфакторная, одорическая) составляющая семейных родословных не только связана с памятью вкуса (запах пирожков), но имеет еще и самостоятельное

выражение. На первом месте в родословном дискурсе – запах сена. *Особенно мне нравится сушить сено. Как хорошо пахнет скошенная трава, это какой-то необыкновенный аромат свежести! Она подсохнет с одной стороны, мы её повернем на другую. Потом уже сухую грузим на повозку (у дедушки ещё и лошадка есть) и везём во двор, складываем в сарай. Так что наша Бурёнка всю зиму есть мягкое и душистое сено и даёт нам вкусное молоко (И. П.).*

Перцепция в родословных отражает процесс запечатления-запоминания перцептивного образа «на всю оставшуюся жизнь».

Было время, я исходил все укромные места, знал, где вырастет новый гриб, в каком блиндаже будет суше играть в войнушку, знал, где больше раков в речке. Знал. И до сих пор помню. Помню запахи летнего луга, шелест золотой осени, мороз зимнего леса и помню весеннее пробуждение природы (Б. Р. В.). Ещё мама всегда говорит, что её любимое место на земле – это бабушкина кухня, где можно было сидеть на высокой табуретке, спиной прислонившись к горячей печке и смотреть на ветки деревьев за окном (Ч. М. Ю.).

Слуховые образы в семейных родословных также бывают весьма выразительны. Концепт ДОМ сопряжён с концептом ДЕТИ, отсюда звуковая составляющая многих родословных: голоса детей. *Жизнь продолжалась и преподносила не только послевоенные трудности, но и, конечно, семейные радости: в семье вновь зазвучали детские голоса ещё трёх дочерей: Клавдии, Валентины, Галины и долгожданного единственного сына Виктора, моего папы (Я. Е. В.). В том же сочинении встречаем яркие тактильные образы: <...> Это улица и дом моего детства, мой Отчий дом. / Мне повезло: я могу встретиться с ним не только в памяти, но и наяву. Я могу подойти к нему и потрогать его деревянные морщины. Когда я делаю это, во мне обрывается что-то и делается сладко и больно (Я. Е. В.).*

Некоторые тексты родословных интересны своими нестандартными решениями в передаче, например, слуховых впечатлений детства. Так, вспоминается рассказчиком «звонкая тишина» за столом: *Моя бабушка рассказывала, как в её детстве вся их большая семья сидела за столом. При этом стояла такая звонкая тишина, дети сидели смирно и послушно, а не то получали от главы семейства «ложкой по лбу!» (К.Н.).*

Связаны ли сенсорные предпочтения родословного дискурса и времена года? Вкусовые образы – вне сезона, они подчинены, скорее, праздникам, дням встречи всей семьи, тогда как запаховые, тактильные, слуховые и соответственно наиболее яркие зрительные впечатления чаще соотносятся с летними днями, что подтверждает теорию импринтинга В. Р. Дольника о запечатлённой летней картинке, когда и где «было хорошо» [4, с. 13].

В дом зайдёшь, там всегда пахнет испечённым хлебом и оттопленной сметаной. Значит, бабушка ждала нас в гости. А детом там лучше, чем где-то на юге. Огромный сад, дом, речка, ходишь босиком и в купальнике и наслаждаешься всеми прелестями деревни (Е. И. В.). Остались в памяти даже самые мелкие детали. Огромный тополь у подъезда дома. Помнится, после дождя любила бегать по лужам босиком и как меня мама ругала за то, что я вся грязная приходила домой, а папа только улыбался (В. М. Ф.). Любила бабушка летний дождь, босыми ногами выбегая на улицу, земля паровала после жарких дней и прошедшего ливня (М. И. А.).

Если же брать не времена года, а части суток, то, что ещё важно, так это хорошо запомнившаяся, запечатлённая сенсорика свежих, утренних, получаемых сразу после сна впечатлений.

Не то чтобы дня – часа она не прожила для себя. Не знаю, когда она спала, засыпали мы под её хлопотливую возню и просыпались от тех же звуков, запахов: звона ведра, треска ров в печке, плеска воды в чугунок (А. И. В.). ...Поручив дочь родителям, жившим в старинном уездном городке Ахтырка, что на Сумщине. <...> Спящая жизнь с жужжаньем мух, боем настенных ходиков, бормотаньем репро-

дуктора и кудахтаньем кур (Снежко В. В.). Например, на Троицу нужно украсить хату берёзовыми ветками, пол устелить свежескошенной травой. Это непередаваемое ощущение засыпать и просыпаться под аромат травы, цветов, стрекотание кузнечиков (Ш. О. А.). Как и в детстве, просыпаясь, видишь, как на потолке танцуют замысловатые узоры от тени листьев, где-то важно кудахтают куры. Запах оладьев из печи окутывает и не даёт спать (В. Е. В.).

Сенсорные образы в родословных хорошо передают то, что ускользает в силу своей обыденности: ритм повседневности, причём «ритм» не только в значении привычно повторяющихся действий, для описания которых нужно ещё подыскать не самые повторяющиеся языковые средства, но и ритм повседневности в значении канонов, запретов, определённый минимум которых необходим той же обыденности, домостроительству.

Но фирменным блюдом были блинчики. Каждый блинчик она снимала со сковородки и кладя в стопочку, смазывала сливочным маслом, дух стоял – не удержаться, но никто не получит ни одного блинчика, пока она все не перепечёт! Не знаю, почему, но хоть умри не даст, уж как мы её только не упрашивали (К. И. В.).

Перцепция родословных связана не только с концептом ДОМ, но и с концептом САД. Так что не случайно при передаче памяти вкуса кроме выпечки в родословных достаточно часто описываются дары сада. Ещё одна вкусовая – это «золотые» яблоки в саду у моей бабушки. Яблоки, действительно, на вид были как восковые, чуть прозрачные, как мочёные. Мы, дети, обожали эти яблоки и уплетали их десятками (Г. А. П.). Также помню, как с сестрой сидели на яблонях или груше и ели сочные, спелые плоды, в которых видны косточки на просвет (С. Н.). Такой клубники, смородины я не видела даже в нашем благодатном крае чернозёмном. А ещё я помню, как маленькая рвала малину и надевала «шапочки»-ягодки на пальцы, «шапочки» закрывали по полпальца... (Н. Л. Ю.).

Аромат заготовленных ею сухофруктов нельзя было сравнить ни с чем, её сушёные груши были словно мармелад. Оставшись одна, бабушка увлеклась разведением клубники, которой обеспечивала всю родню, ещё делала из неё великолепное вино и варенье, которое дети резали ножом и ели как конфеты. А бабушкины вареники! Это отдельная история, она делала их большими и помногу, как бы отмечая появление каждой новой ягоды, сначала это была клубника, затем шпанка, потом вишни, сливы и завершением сезона были тёрн и калина. Стоило бабушке заметить, что кто-то заболел, появился кашель или признаки простуды, на столе появляется мёд и калиновый сироп (К. С. В.).

Несколько реже сенсорика в родословных соотносится с концептом ТРУД, добавляя красок в «когницию» трудовых процессов. Здесь можно выделить сенсорнику (а) «сопровождения труда», (б) «результата труда» и (в) «косвенную сенсорнику».

(а) Валял всем: и родственникам, и на заказ. Помню кислый запах шерсти, которым было пропитано всё: одежда, перина, подушки, даже стены пахли. Зато валенки получались аккуратными, изящными (А. Р. В.).

(б) Бабушки очень серьёзно подходили к организации быта, к заготовке всевозможных солений и варений. Все эти незамысловатые мероприятия сопровождалась основательной подготовкой, задолго планировались. При нынешнем жизненном укладе никому даже в голову не придёт нашинковать, на квасить на зиму целую бочку капусты. А капуста, надо сказать, была славная, с мочёными яблочками, с морковочкой. Заготавливали на зиму и творог, и масло сливочное, сами готовили крахмал и домашнюю лапшу. Длинными зимними вечерами бабушки пряли шерсть, вязали на всю семью носки, варежки (П. О. Д.); А какие грузди мы с ней собирали! Вкусотища хрустящая! (К. И. В.).

(в) ...Отправились в Харьков на заработки. До Харькова их вёз дядька одной из девчонок, которого все очень любили. Ехали они на открытой грузовой машине, и ветер, который дул в лицо, казался таким новым (Ч. М. Ю.). Помню, как гоняли коров на пастбище. Иногда, когда холодно, коровы ложились и не хотели пастись,

тогда на них можно посидеть и погреться (С. Н.). ...Как подгрела всё до травинки с покоса на лугу, оставляя чистый луг, по которому спустя несколько дней можно было бегать босиком, не остерегаясь колкой стерни (К. С. В.). А как приятно после уборки сена пополоскать в прохладной воде ножки! <...> Особенно мне нравилось ходить в лес за земляникой. Какой необыкновенный аромат ощущается в это время года! Мы всегда с братьями и сёстрами соревновались, кто больше насобирает вкусных ягод (В. Ю. М.).

Сенсорное описание «останавливает время». Оно играет в восстановленное прошлое, отражает «здесь и сейчас». Сенсорика требует замедленной съёмки, и это хорошо иллюстрирует приведённый фрагмент.

Сенсорика родословного дискурса наслаивается на сенсорнику религиозного дискурса (вкус куличей на Пасху, цвет крашенных яиц, запах ладана, игра солнца на Пасху, шёлк травы на полу на Троицу). В своём кратком обзоре русско-французского сборника статей, посвящённого религиозным практикам, Ольга Балла обращает внимание на исследование феномена религиозности, в которых подчёркивается, что концепт ВЕРА насыщен осязательной, ольфакторной, вкусовой памятью. Недавние исследования феномена религиозности свидетельствуют о том, что концепт ВЕРА насыщен осязательной и ольфакторной памятью. «Повествуя о вещах неосязаемых, вера говорит с нами языками нашего тела. Она хрустит под пальцами скорлупой пасхальных яиц, вязнет на зубах сладостью кулича, рассыпается пластинкой мацы, тает на языке прохладной дождевой водой, выпитой в коломенском камне (есть у камнепочитателей и такой обычай!), и его серая шершавость и сырой холодный воздух вокруг – всё, всё входит в состав веры и становится ее аргументом. / Представления можно опровергать. С формулировками можно спорить. Но как поспоришь со сладким, тёплым, густым, рассыпчатым, шершавым?» [5, с. 115]. Семейные родословные прекрасны тому свидетельства. Проведённое исследование сенсорики в текстах семейных родословных показало, что семейное родословие весьма бережно сохраняет информацию о сенсорике религиозного дискурса, прежде всего о вкусовом своеобразии церковных праздников, причём не только двенадцатых.

На Рождество всегда запекали гуся, на Пасху пекли куличи и красили яйца, на престольный праздник в Дмитриев день варили холодец и вишнёвый кисель, на Масленицу баловали всевозможными блинами и блинчиками, в Медовый Спас обязательно пекли оладьи со свежим мёдом и т.д. (П. О. Д.). В родословных немало свидетельств осязательного и обонятельного своеобразия праздника Троицы. *Например, на Троицу нужно украсить хату берёзовыми ветками, пол устелить свежескошенной травой. Это непередаваемое ощущение засыпать и просыпаться под аромат травы, цветов, стрекотание кузнечиков (Ш. О. А.).*

Многие тексты упоминают о перцептивных впечатлениях подготовки и празднования Пасхи. Казалось бы, составляя историю семьи не обязательно писать о религиозных праздниках, но многие пишут ещё и об этом. Перцепция связана с памятью, запечатлением, импринтингом. Нет запаха свежей травы на полу, берёзовых веток по углам, нет яркости крашенных яиц, торжественности колокольного звона, причём это всё обговаривалось, рассказывалось, прежде чем лечь на бумагу, – и нет силы памяти для воссоздания религиозного обряда. Память питает воображение. «Функция воображения готовит схему будущих восприятий» [6, с. 142].

В триаде «концепт – эмоция – перцепция» последний компонент исключительно важен, хотя именно на него покушается век глобализации, унификации, подчинения не исконным, а заимствуемым, иным стандартам. Перцепция, сенсорика – это «ум» тела, значимость этого ума в последние годы становится всё более весомой, получая оригинальные трактовки [6, с. 136 – 154]. Перцепция религиозного дискурса есть не только уважение к многообразию и красоте переживаний «обычной» жизни, но и необходимая ступень выработки высшего умения видеть Другого, слышать Другого, ценить в Другом лик Господа, любить ближнего, как самого себя. ...Человек, у ко-

тогого есть сознание евангельское или просто острое, живое человеческое сознание, должен научиться видеть, что другой существует. И это бывает редко, очень редко, – подчеркивал Антоний, митрополит Сурожский, казалось бы, парадоксальную мысль.

В самом начале мы вели речь об отличиях родословного и мемуарного дискурсов. Сенсорика мемуарного дискурса, по-видимому, требует отдельного описания, хотя точки пересечения с родословием, конечно же, будут (запах сена, запах пирожков, сияние пасхального солнца). И тем не менее мы выделяем мемуаристику для отдельного изучения таящихся в ней сенсорных представлений. Интересно, что апелляция к звуковому образу в мемуаристике редко остаётся одноразовой. Описание одного звука неминуемо вызывает в памяти массу других звуков, отзвуков, как следующем отрывке. *Сразу детство вспоминаю, как по белому снежку валеночки «хрум-хрум», салазки позади шуришат и кошки бегут, хвосты позадирали. радуются мне. Вдруг по шапке снежком мне кто-то «бум!» <...> Рукой по клавишам «бrrrrrrrrрынь». И застыло в воздухе музыкальное, дрожит. <...> Каждому из нас на ушко Кирюшка урчал кошачьи свои колыбельные и «месил» из одеял гнёзда... (Е. Фокина. Скворечник). Приведем еще один пример развернутой перцепции слуха. ...Поезд тронулся. Как любила петь мама: «Сколихнувся вагон І помчав». Прогромыхав над мостом через Амур, поезд поїхав на Запад. Колеса їх плацкартного вагона на кожному стійке рейсов говорили їм: «Домой! Домой! Домой!» (Р. Чайковский. Небо Надежды).*

Полисенсорность описания известного человека (обонятельная и тактильная зарисовка) в следующем фрагменте мемуаров сочетается с политактильными характеристиками: *Когда я вошла в кабинет, прежде чем увидеть Наталью Петровну, я почувствовала запах её духов «Опшум». Наталья Петровна протянула мне руку, и это было как-то непривычно. Жест показался мне мужским, ладонь была открыта ко мне, я аккуратно её пожала, она была мягкая и тёплая. Н. П. тоже пожала мне руку, и я с удивлением поняла, что пожатие крепкое, – вспоминает Наталья Шемякина академика Н. П. Бехтереву («Наталья Бехтерева – какой мы её знали»).*

Каковы результаты исследования лингвосенсорики родословного дискурса?

1. Многократно повторяющиеся сенсорные образы (вкус пирожков, запах сена, игра солнца на Пасху, тепло от печки, прохлада реки) свидетельствуют о возможности вычерчивания взаимосвязи жанра и сенсорных предпочтений, о неизбежном включении сенсорной компоненты в описание с личным присутствием (при вербализации концепта EGO), о сохранении значимости перцептивной информации при любом описании.

2. В родословном дискурсе ведущее место занимает вкусовая перцепция, связанная с образом близких людей и, как правило, приуроченная к семейным праздникам. Вкус описывается регулярнее запаха, тактильного переживания, слухового образа, однако и там выстраиваются свои приоритеты: запах сена, тепло дома, голоса детей.

3. Перцепция труда (не быта, хотя разделение это условно!) в родословных встречается реже, не исключено что по причине не проговаривания трудовой сенсорики в современном общении (в отличие от вкуса тех же пирогов на кухне и яблок в собственном саду!) и соответственно в не различении ее в прошлом семьи.

4. Перцепция родословного дискурса наслаивается на сенсорнику религиозного дискурса (вкус куличей на Пасху, цвет крашенных яиц, запах ладана, игра солнца на Пасху, шёлк травы на полу на Троицу).

5. Мемуаристика, предназначенная к публикации, отличается более развёрнутым и более художественным описанием звуковой ситуации, тактильных ощущений. Она повернута одной стороной к традиционному родословию с его сенсорными прототипами и предпочтениями, а другой стороной – к оригинальности художественного слова в своем стремлении замедлить повествование и детализировать сенсорный сигнал, заняться полисенсорикой в художественном выстраивании минифрагмента текста.

6. Авторы сочинений, среди которых немало не-филологов, при создании нарратива родословной интуитивно нащупывают необходимость ещё и конечного звена триады: концепт – эмоция – сенсорика. Описание семейного древа, эмоциональная

оценка родителей почти неизбежно дополняется языком перцепции и, хотя при этом фиксируется много стандартов, стереотипов, само наличие перцептивных фрагментов в семейных родословных говорит о значимости еще и такой информации при обрисовке судеб семьи и рода.

Список литературы

1. Павлова А. А. Жанр, гипертекст, интертекст, концептосфера (на материале внутрисемейных родословных). – Белгород: Изд-во БелГУ, 2004. – 162 с.
2. Рухленко Н. Н. Концепт СЕМЬЯ в жанре семейных родословных. Дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01. – Белгород, 2005. – 225 с.
3. Черникова Е. М. Имена собственные в жанре семейных родословных. Дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01. – Белгород, 2009. – 243 с.
4. Дольник В. Р. Непослушное дитя биосферы. Беседы о человеке в компании птиц и зверей. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 206 с.
5. Балла О. Вера: вкус, цвет и запах // Знание – сила. – 2008. – № 4. – С. 115. (Краткий обзор русско-французского сборника статей: Религиозные практики в современной России. – М.: Новое издательство, 2006. – 400 с.).
6. Князева Е., Туробов А. Познающее тело. Новые подходы в эпистемологии // Новый мир. – 2002. – № 11. – С. 136 – 154.

PERCEPTION IN FAMILY HISTORY DISCOURSE

V. K. Kharchenko

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
Kharchenko@bsu.edu.ru*

The article deals with the particularities of the language means of perceptual memory: visual, tactile images and those received through the organs of taste and smell studied in the discourse on Family History research (based on family history essays).

Key words: perception, channel of human perception, family history, discourse.